

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 10 (46)

УСТЬ-ЛАБИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

(ЛЭБЭПЭ ЗАУ)

17(6) ИЮНЯ 1761 ГОДА

К 250-летию разгрома западными адыгами войск Крымского ханства в сражении при устье Лабы

На протяжении длительного исторического периода, включавшего позднее средневековье и начало нового времени, Крымское ханство выступало едва ли не основным внешнеполитическим визави (оппонентом) Черкесии. Основанное в середине XV века одним из потомков Чингизхана Хаджи-Гиреем, военно-феодалное государство проводило по отношению к своим восточноевропейским соседям весьма активную и агрессивную политику. Это в полной мере относилось и к стране адыгов, непосредственно граничившей с татарским ханством. Часть западных владений Черкесии, переживавшей эпоху затяжной феодальной раздробленности, со временем окажется в вассальной зависимости от правителей Бахчисарая, однако большинство черкесских княжеств сумеет в ожесточённом противостоянии сохранить свой политический суверенитет.

Тема крымско-черкесских (а в более широком контексте – крымско-кавказских) взаимоотношений в отечественной историографии советского периода получила необъективное отражение. Главным источником искажения исторических событий послужили т. н. «дискуссии на историческом и идеологическом фронте», имевшие место в 40-х – начале 50-х гг. минувшего столетия. Послевоенные партийные историки, следуя определённым идеологическим и методологическим установкам, разработали «новаторскую» доктрину добровольного вхождения нерусских народов в состав России и образования российского многонационального государства. Крымскому ханству в ней отводилась исключительно отрицательная злоедающая роль поработителя свободлюбивых северокавказских и других народов, подвергавшихся беспощадной феодальной эксплуатации и находившихся под угрозой полного физического истребления. Последнее, согласно новой идеолого-историографической концепции, и стало побудительной причиной обращения ряда притесняемых горских народов за помощью и покровительством к Московскому государству с последующим актом «воссоединения». Подобная схема в образцовом виде была отработана, прежде всего, применительно к истории адыго-абазинских народностей.

В последние годы в историческом адыговедении, а также в работах ряда российских исследователей в данный значимый исторический сюжет внесены

существенные коррективы. Так, не отрицая военно-феодалный характер Крымского ханства, в экономике которого важную роль играла внешняя экспансия и набеговая практика, наметился отход от стереотипа «демонизации» государственного образования крымских татар. Игнорировавшиеся ранее источники свидетельствуют об оживлённых хозяйственно-экономических и культурных связях его с адыгами и другими северокавказскими народностями, интенсивной дипломатической деятельностью, широком распространении кровного и искусственного родства, как между элитами, так и низшими слоями. Что же касается военного аспекта, доминировавшего в сложном комплексе многообразных «межгосударственных» связей и контактов Крыма и Черкесии, то утверждения о полном подчинении, покорении, «иге», угрозе физического уничтожения этноса с позиций объективной науки звучат сегодня крайне некорректно и анахронично.

Военные действия на адыгской территории велись с переменным успехом, а нередко переносились и в пределы Крымского ханства, неизменно отзываясь резонансом в сопредельных странах, подвергавшихся частым крымским набегам. Политическая же зависимость отдельных черкесских феодалов и обществ, включая бли-

жайшие от Крыма, носила чисто номинальный и зачастую кратковременный характер; единственным «внешним» признаком её служила выплата определённой дани и требование при необходимости участия в военных предприятиях крымцев. Подобный характер вассалитета ничем не отличался от практикуемого внутри самой феодальной Черкесии, во взаимоотношениях между адыгскими княжествами и отдельными вла-

дельцами.

«...Столь часто упоминаемые крымско-черкесские войны, – пишет один из современных исследователей проблемы, – носили не фронтальный, а набеговой характер. Унитарная социальная организация Крымского ханства позволяла Гиреям собирать большие по численности конные армии, чем те, которыми располагали черкесские вожди. Но зато панцирная аристократическая конница черкесов отличалась большей воинской

выучкой» (Хотко С.Х. Татары и Черкесия в XIII–XVIII вв. // Этюды по истории и культуре адыгов: Сборник статей. Выпуск 2. Майкоп, 1999. С.78).

Яркой иллюстрацией и одновременно свидетельством справедливости обозначенных выше тезисов о характере и нюансах военного аспекта крымско-черкесских взаимоотношений могут служить события середины XVIII века в Западной Черкесии, апофеозом которых явилось

«Усть-Лабинское сражение». Военному столкновению Крыма и одного из крупных и влиятельных адыгских княжеств, формально от него зависимых, – Темиргоя – предшествовал длительный период взаимных демаршей и открытой конфронтации. Так, в июне 1747 года в Коллегию иностранных дел из Кизляра рапортом сообщалось, «что от Крыму отложились темиргойцы,

абазыеки (абадзехи), бжедухи, сапсых (шапсуги), убых, и все де противные крымскому хану султаны и мурзы с теми народами соединились и противиться с ханом намерены...» (Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Том II. XVIII в. М., 1957. С. 143). Все предпринимавшиеся крымским правительством меры по усилению своего влияния на западных черкесов не приводили к желаемому результату. Осенью 1760 года темиргоевцами была перехвачена

и атакована партия прокрымски настроенных горских феодалов во главе с одним из башилбайских (абазинских) владельцев, возвращавшихся из Крыма. Среди коллаборационистов находился и некий кабардинский дворянин, «который в бытность его в Крыму им, крымским ханом, превеликим богатством надарен...» (Цит. по: Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. Нальчик, 1994. С. 91). Этот инцидент послужит непосредственным поводом для очередного военного вторжения татар в земли западных адыгов. Наряду с желанием наказать темиргоевцев за гибель башилбайского вельможи, пришедшего правителю Бахчисарая дядей по матери, крымский хан намеревался воспользоваться случаем для восстановления своего и без того призрачного статуса верховного созерителя над обширными владениями влиятельной княжеской фамилии Болотоко... В начале лета 1761 года после основательных приготовлений многочисленное крымское войско во главе с опытными военачальниками двинулось вдоль берега Кубани на восток к землям темиргоевцев. Шестого июня, при попытке вторгнуться во внутренние пределы Темиргоевского княжества в районе устья левобережного притока Кубани – реки Лабы, оно было встречено авангардом черкесской дворянской кавалерии и после ожесточённого сражения наголову разбито. Немногочисленные остатки крымцев едва успели в панике рассеяться в прикубанских степях. К сожалению, документальные источники сохранили немного подробностей о ходе произошедшей битвы, но зато в ярких красках живописали со слов очевидцев её трагический для участников нашествия финал. «Весьма великое сражение у тех войск было и многочисленно крымского войска темиргуйским войском побито и ранено, да и в реке Лабе потонуло, – доносил в июне того же года астраханскому губернатору В. Неронову комендант Кизляра полковник И. де Боксберх. И далее продолжал, – причём де потонул аги Ислама Тагетова брат, который в Крыму пред всеми весьма славным воином именовался. А в плен темиргуйцами взято агов три, ширинов – две, да мирз двою, а протчего всякого звания народу более трехсот человек; но чрез тамошней де народ слышно, что взято мирз и протчего народа наиболее вышеописанного». (Там же. С. 91). Забыв о событии, послужившем поводом для конфронтации, правящие круги Крыма предпринимали многолет-

К 250-ЛЕТИЮ УСТЬ-ЛАБИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

ние упорные усилия для совершения реванша за военную катастрофу на Лабе, но результаты их действий имели мизерные последствия для западных адыгов. В мае 1763 года другой официальный русский источник утверждал, что из горских народов, наряду с кабардинцами, «особливо примечания достоен... темиргойской народ в тамошней стороне не без знатной. Сей народ по положению своего жилища, хотя почитается подвластным ханов крымских, но по крепости тех гор, в которых они живут, слушают их в чем сами хотят». (Кабардино-русские отношения. С. 223, 225-226). В ответ на крымское давление они вновь «воспротивились и совсем и оттого малого послушания, какое впрядь сего ханам крымским

отдавали, отложились». (Там же. С. 226). Примечательно, что около года спустя русское правительство категорически запретит кабардинским владельцам оказывать какую-либо военную поддержку «темиргойцам, сопротивляющимся хану крымскому». (Там же. С. 228). С просьбой об этом темиргойские князья обратились в Большую Кабарду в связи с новыми угрозами крымцев отомстить за поражение на Лабе или же добиться соответственно материальной компенсации.

Усть-Лабинское сражение, предшествовавшие и последовавшие за ним события продемонстрировали способность черкесских княжеств в рассматриваемый период самостоятель-

но достаточно эффективно противостоять военному давлению Крымского ханства, сохраняя при этом фактическую административно-политическую независимость и ограничиваясь выплатами от случая к случаю незначительной дани «ясырями» или символическими подношениями хану. Они вполне убедительно свидетельствуют о несостоятельности тезиса о порабощении Крымским ханством Западной Черкессии (Адыгеи), рабском бесправии её населения и т. п. Напротив, царские войска, уже вскоре появившиеся в Прикубанье, застанут здесь довольно многочисленное, свободолюбивое, способное к длительному и упорному противостоянию внешнеполитическим угрозам, чер-

кесское население.

Военный триумф 6 июня 1761 года, сохранившийся в устной истории адыгов как «Лэбэпэ зау» (Усть-Лабинское сражение), — одна из ярких и памятных страниц героической борьбы народа за свою национальную свободу и самобытность (Аутлев П. У. Адыгэ в хронике событий. Майкоп, 1990. С. 20). На месте исторического события о нём, к сожалению, сегодня ничего не напоминает. Но на высоком правом берегу Кубани, напротив устья Лабы завершается возведение «бастиионов» Усть-Лабинской «Александровской крепости», размеры которой уже сейчас поражают воображение. Жерла музейных орудий обращены в сторону соседнего адыг-

ского селения. По замыслу кубанских историков, краеведов и архитекторов, подобный музейный комплекс под открытым небом призван наиболее наглядно и эффективно воспитывать в местных жителях, кубанской молодежи чувство русского патриотизма, формировать в них новое историческое сознание и историческую память. Для автохтонного (коренного) населения, чья богатая на знаменательные и значимые события историческая судьба на протяжении многих столетий неразрывно связана с данной местностью, в этих «инновационных» материально-духовных реконструкциях места, увы, нет...

Бузаров А. К. Научный сотрудник отдела истории АРИГИ.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ГОРОДА МАЙКОП

В краеведческой и научной литературе существует несколько гипотез о происхождении названия города Майкоп (Мыекъуапэ), но ни одно из них не дает удовлетворительного ответа, а вызывает еще больше вопросов. Отсутствие определенности становится причиной возникновения новых, все более фантастичных версий. Именно это обстоятельство и подтолкнуло нас к собственному расследованию. Нами были изучены все известные версии, без исключения, как верные, так и ошибочные. Расположив их в хронологическом порядке, по времени их появления и опубликования в печати, мы смогли лучше понять, в каких исторических условиях они родились и причины их возникновения, а также что в них соответствует действительности, а что изначально было заблуждением. В результате весь материал о происхождении топонима Мыекъуапэ (Майкоп) разделился условно на две большие группы: 1) варианты, объясняющие адыгское происхождение топонима Мыекъуапэ, по-русски зафиксированного как Майкоп, 2) версии, которые строятся на попытках исследовать этимологию названия Майкоп, исходя из его русскоязычной формы, не учитывая, что оно произошло от адыгского топонима Мыекъуапэ. По этой теме опубликована статья «К вопросу о происхождении названия Майкоп» [1].

В данной работе мы коснемся конкретно истории возникновения названия города Майкоп, а также некоторых проблем, связанных с его изучением.

Первое упоминание адыгского топонима Майкоп (Мыекъуапэ) в русских документах времен Кавказской войны относится к 1825 году. В июне 1825 года отряд под начальством ген. Вельяминова совершил первый поход из Усть-Лабинского редута за Кубань, в земли абадзехов. В рапорте начальнику Кавказского корпуса генералу Ермолову

по этому поводу Вельяминов сообщал: «Отряд наш стоит вне всякой опасности на обширной и отовсюду открытой равнине по правую сторону Сагуаша (Шъхъагуашэ, р. Белая — Н.Е.), в верстах десяти ниже известной высоты под названием «Майкопа» [2].

Ответ на вопрос, где находилась эта «высота Майкопа», мы находим у М. Харламова: «Остатки окопов Вельяминова местные старожилы указывают влево от дороги из Майкопа на Келермесскую — на участке, принадлежащем теперь наследникам полковника Малыхина» [3]. По всей видимости, лагерь отряда Вельяминова находился в районе нынешнего совхоза № 10. Оттуда в километрах 10-12 начинается подъем на возвышенность, которую генерал Вельяминов указал как «высоту Майкопа», а адыги называли, и до сих пор называют, Мыекъопэ жэгъу (Майкопская возвышенность, Майкопский спуск). С этой возвышенности, на которую поднимается дорога из города Майкопа в ст. Келермесскую, вся Майкопская низина (Мыекъопэ клах, или просто Мыекъуапэ) открывается взору как огромная чаша. Слово жэгъу (жэгъу) в адыгском языке буквально означает «нижняя часть подбородка», «второй подбородок» (в географических названиях — «место под горой, подножие»). Название Мыекъопэ жэгъу (Майкопский подбородок или Подбородок Майкопа) как нельзя точно передает живописность и характер этой возвышенности, окаймляющей чашу Майкопской низины с северо-востока.

Экспедиция отряда Вельяминова на землю абадзехов продолжалась более двух месяцев. За это время было построено временное укрепление, которое потом называлось «майкопским станом» или «вельяминовскими окопами», был вырублен лес, покрывавший весь правый берег

реки Сагуаша (Белая), и возведена переправа на левый берег реки, через которую переправлялись отряды для истребления окрестных аулов. Вероятно, именно это место переправы на левый берег реки Белой в более поздних военных документах упоминается как брод или переправа Топ-Гогдаб, Топогуап, что по-адыгейски может звучать как Топ гъэуапI — «место, где стреляют пушки». Судя по описаниям [4], оно находилось там, где сейчас расположены два моста через реку Белую — автомобильный и железнодорожный, по дороге из города Майкопа в пос. Тульский (за пос. Победа, где расположены дачи).

В последствии, в разные годы Кавказской войны, предпринимались и другие кратковременные военные операции русских войск в районе Майкопской долины. Так, в сентябре 1829 года отряд ген.-м. Антропова с правого берега Кубани направился к Майкопскому ущелью. По результатам этой военной экспедиции начальник Кавказской линии ген. Емануэль обратился к главному командиру фельдмаршалу Паскевичу с проектом о необходимости возведения ряда укреплений между реками Кубань и Белая, в их числе и укрепления «при урочище Майкоп». Упоминаемые здесь названия Майкопское ущелье и урочище Майкоп соответствуют адыгским названиям этой местности Мыекъопэ кIэй, Мыекъопэ клах, Мыекъуапэ (Майкопская долина, Майкопская низина, равнина), где сейчас расположен современный город.

Строительство новой линии военных укреплений по реке Белой началось в 1850 году, с началом возведения Белореченского укрепления у впадения в Белую небольшой речки, по документам Псиисе [5] (адыг. ПсыпцIэ - «Черная речка»). Для усиления новой Белореченской линии и оказания давления на близлежащие черкесские аулы в

ноябре 1851 года в Майкопское ущелье вошел отряд Евдокимова и стал лагерем на одном из возвышенных берегов реки Белой, где был снят план местности. Далее отряд сделал еще одну установку у впадения речки Чудндук (адыг. Цундыкъо — «Воронья балка», совр. назв. — Шунтук) в реку Белую «для новой съемки обоих берегов реки, из которых правый упирался в горы, а левый представлял собой довольно обширное открытое пространство» [6]. В ходе этой экспедиции были проведены несколько рекогносцировок и составлена топографическая карта Майкопской долины.

К осуществлению идеи строительства укрепления в Майкопской долине приступили в начале мая месяца 1857 года. Для этой цели в Тенгинской крепости, расположенной на Черноморском побережье, в устье р. Шапсухо, был сформирован Майкопский отряд под командованием ген.-л. Козловского. 1 мая 1857 года отряд двинулся к месту назначения и 3 мая, продвигаясь от Белореченского укрепления по правому берегу р. Белой, подошел к Майкопской долине, где занял низменный правый берег р. Белой. По описаниям М. Харламова: «Правый берег Белой, возвышающийся в некотором расстоянии от реки в виде крутого обрыва, саженей 10-15 высоты, представлял собой широкую долину, покрытую небольшим кустарником и густою травой, среди которых попадались грязные непроходимые болота разной величины. Одно из таких болот в виде длинной балки пересекало западную часть теперешнего старого города и служило обиталищем целой массы диких свиней. Не без основания поэтому пространство, занятое Майкопским отрядом, было известно у черкесов под именем «когожь», что значит «свиной баз» [7].

Местность под названием Когожь (варианты: Хоож, Коккош)

встречается и в других источниках. К примеру, на военной карте «Маршрут движения отрядов под начальством ген.-л. Козловского от укр. Майкопского вверх по р. Курджипсу и Бжину до верховьев р. Джики с показанием просек» отмечено «Урочище Коккош» [8], которое соответствует вышеописанному месту. Оно представляет собой небольшой островок, образуемый полукруглой балкой, которая вытекает из реки Белой ипадает обратно в нее (район улицы Низпоташной и Кожевенной, где до сих пор сохранились фрагменты этой балки в виде прудов — Н.Е.). Это место и эту балку адыги называли КъоIэщ или КъоIощ (къо - «кабан», «вепрь», а в географических названиях — «балка», «овраг», «ущелье»), а Iэщ (Iощ) — «загон», «баз», «огороженное место для содержания скота» и переводится оно, скорее всего, как «место, огороженное балкой», а не «свиной баз».

Далее, восстанавливая по военным документам события, связанные с началом строительства укрепления, М. Харламов писал: «4 мая, часть Майкопского отряда выступила из лагеря для обозрения Майкопского ущелья. Пройдя верст 10-12 по берегу Белой, разведочный отряд после небольших схваток с черкесами, уничтожив преграждавшие путь три засеки, и, сняв план Майкопского ущелья, на следующий день возвратился в лагерь. 6 мая было приступлено к очистке низменного берега Белой от покрывавших его вековых деревьев, а затем к постройке крепости в некотором расстоянии к востоку от лагеря (место, где сейчас расположен военный госпиталь по ул. Пушкина — Н.Е.). Это наиболее высокий берег Белой и при том в таком пункте его, который находится приблизительно в одинаковом расстоянии от Майкопского и Курджипского ущелий, благодаря чему крепость должна

ТОПОНИМИКА АДЫГЕИ

была занять доминирующее положение над всем пространством, лежавшем против нее» [9]. Постройка крепости заняла 10 месяцев и была завершена в феврале 1858 г. О том, как она выглядела и каких размеров была, М. Харламов писал: «Крепость, по форме своей имевшая близкое сходство с буквою «П», несколько суживающуюся кверху, была окружена рвом и валом, сажени в 1,5 высоты. Начинаясь с восточной стороны от крутого берега Белой около нынешней аптеки Горста (ул. Жуковскогo, бывш. ул. Полковая, предпол. здание, где сейчас размещаются редакции республиканских газет «Советская Адыгея» и «Адыгэ макь» - Н.Е.) и, доходя северною своею стороною до Дровяной площади (совр. площадь Дружбы - Н.Е.), крепостной вал на западе оканчивался у берега Белой, захватывая все места, на которых расположены теперь базар («старый базар» - Н.Е.) и прилегающие к нему кварталы старого города» [10].

Военное укрепление, воздвигнутое на высоком правом берегу реки Белой, получило название Майкопское или сокращенно Майкоп в соответствии с названием местности, где оно было построено. С 1858 года в течение последних лет Кавказской войны крепость Майкоп была важным узловым пунктом, куда сходились дороги всех отрядов во время их экспедиций в район реки Белой, в земли абадзехов. После войны название крепости Майкоп перешло на населенный пункт, возникший при ней, а затем и на город. Такова краткая история возникновения названия города Майкоп (Мыекъуапэ).

Погружение в исторический материал позволило нам воссоздать историю возникновения крепости Майкоп, а также подтвердить тот факт, что название местности Мыекъуапэ, зафиксированное по-русски в различных вариантах: Меакоп, Маю-купа, Высота Майкопа, Майкоп, Майкопское ущелье и урочище Майкоп упоминается в военных источниках, начиная с 1825 года. Кроме того, мы выяснили очень важное обстоятельство, что все эти названия относятся не только к местности, где сейчас расположен современный город, но и ко всей долине реки Белой, по крайней мере, от р. Шунтук до ст. Ханской. Нам так же удалось восстановить ряд других утраченных адыгских топонимов, связанных с окрестностями Майкопа, которые помогли нам лучше разобраться в происхождении названия города.

Теперь о том, что означает это название Мыекъуапэ (Майкоп) и откуда оно происходит? На самом деле, существуют два варианта перевода значения этого слова с адыгского языка. Все разночтения произошли по причине того, что первоначально к толкованию значения топонима Майкоп обратились исследователи, не владевшие адыгским языком. Так, К.Ф. Ган впервые в статье «Опыт объяснения кавказских географических названий» (1909) попытался объяснить значение этого топонима: «Майкоп - черкесское слово: мей - «яблоня» и куапэ - «угол»; в окрестностях города много яб-

лонь» [11]. Формально К.Ф. Ган верно передал значение каждого из слов мей и куапэ, но в целом смысл топонима истолкован неправильно. Дело в том, что название Мыекъуапэ состоит не из двух, а из трех слов: мые (каб. мей) «дикая, лесная яблоня», къо - в географических названиях «балка», «ущелье», «русло речки» (другие значения: «сын», «кабан», «вепрь»), и - пэ «устье реки» (другие значения: «нос», «начало», «край чего-либо»). На первый взгляд, все понятно и просто, но так как все компоненты имеют несколько значений, то при переводе легко ошибиться. Необходимо учитывать определенные принципы словообразовательных моделей адыгских топонимов, иначе искажение смысла неизбежно.

Другой исследователь М. Харламов (1912), вслед за К.Ф. Ганом, при переводе слова Май-

если бы они в дальнейшем не получили широкое распространение. Так, в книге «Майкоп. Краткий исторический очерк» (1957) ее авторы П.Ф. Коссович, М.З. Азаматова и С.Н. Малых значение слова Майкоп (Мыекъуапэ) переводят как «долина яблонь» [13]. Со временем эта путаница в адыгских географических терминах привела к тому, что слово къо, означающее «балка, ущелье» в словарях стали переводить на русский язык как «долина» [14].

Второй вариант объяснения значения слова Мыекъуапэ, более точный, появился позднее, чем первый. Он принадлежит ученым-кавказоведам и был опубликован в научных изданиях, малодоступных широкому кругу читателей. Необходимо отметить, что в этих работах топоним Мыекъуапэ (Майкоп) не был объектом отдельного исследова-

ние реки + устье», к которым он по своей структуре и относился. Но далее при переводе названия речки Мыекъо они не избежали той же ошибки, что и М. Харламов, и перевели компонент къо как «долина». В результате получилось «устье яблонной долины», а не «устье (балки, реки) Миеко», как должно было быть.

Авторы «Грамматики адыгейского литературного языка» (1941) Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф, также рассматривая общие корни в кавказских языках, обратили внимание на слово къо в значении «балка», «ущелье», «русло реки», которое, кроме адыгских языков, встречается в грузинском и балкарском языках. В качестве примера они привели название речки Кудэкъо (Кудако), где кудэ - «нефть», къо - «балка», «русло реки» - «нефтяная балка». При этом они сделали сноску: «Ср.: Мыякъо»

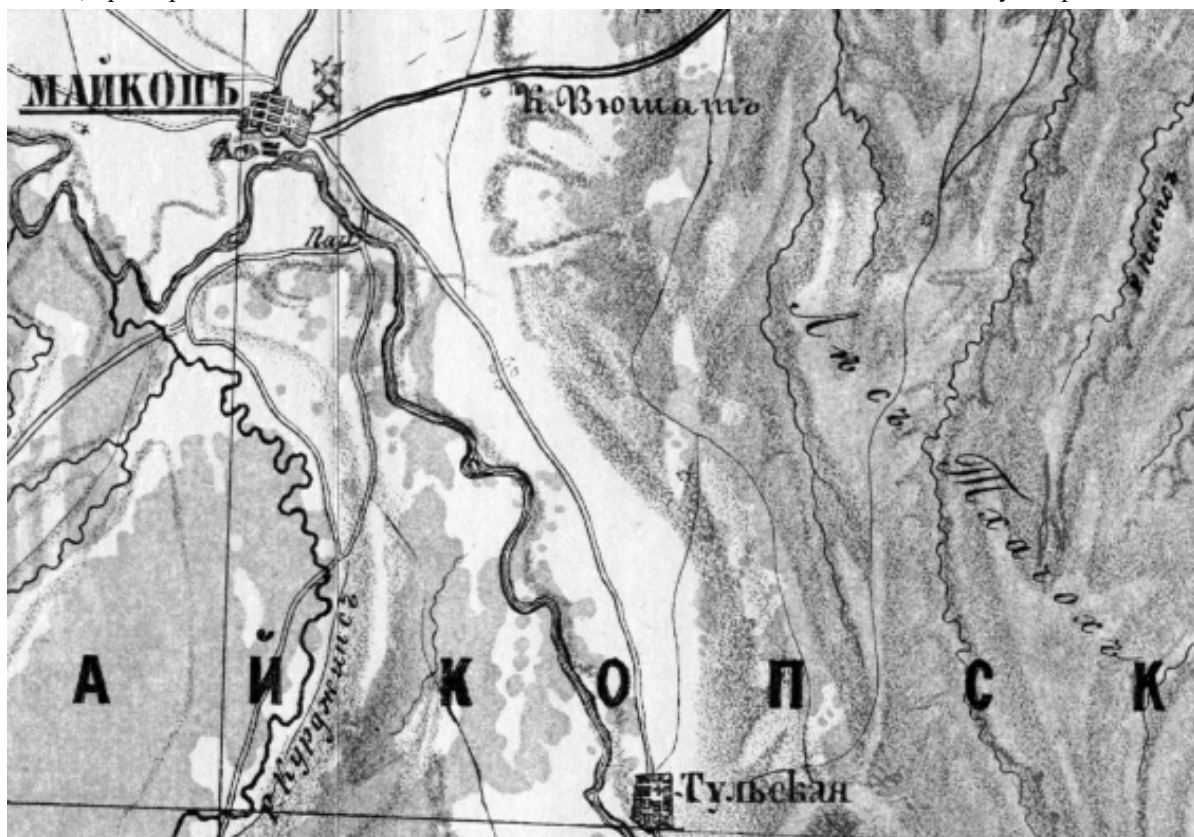
выводил из Мейкъуапэ, что означает «яблоневой балки река» [17]. Действительно, гидроним Мейкъуапэ (каб.) и Мыекъо (адыг.) он перевел верно - «яблоневой балки река», но, как мы знаем, название города Майкоп происходит от другого слова - Мыекъуапэ - «устье реки Миеко». Несмотря на это, данная этимология на фоне других несостоятельных версий была признана наиболее убедительной, и известный советский ученый В.А. Никонов опубликовал ее в своем «Кратком топонимическом словаре» (1966). [18].

В 1968 г. в газете «Адыгейская правда» К.Х. Меретуков опубликовал статью под заголовком «Город в устье реки. Еще раз о происхождении названия Майкоп». В ней он писал, что многие неверно осмысливают Майкоп, как «долину яблонь», где мие - «яблоня», ко - «долина». «В таком случае «Майкоп имел бы усеченную форму Миеко. Но в конце слова Майкоп - Миекуапэ явно слышится элемент п / пе, который почему-то всегда выпадает из поля зрения исследователей. А без этого элемента толкование смыслового значения Майкоп как «долина яблонь» остается незаконченным, частичным и потому неверным. Майкоп состоит из названия реки Миеко (мие - «яблоня», ко - «долина»), пе - «устье», т.е. Майкоп - город, расположенный в устье реки Миеко, а дословно - Устьдолинояблоневск. Словообразовательная модель типа Майко+п (название реки + устье) довольно продуктивна в адыгейском языке. Таким путем образовался ряд названий адыгейских населенных пунктов. Например, Уляп, расположенный в устье реки Уль и др.» [19].

Как мы видим, К.Х. Меретуков, вслед за И.А. Джавахишвили и С.Н. Джанашиа, поставил топоним Мыекъуапэ в один ряд с названиями, образованными по модели «название реки + устье», к которым он и относится, но при переводе значения компонента къо перевел неверно, как М. Харламов, и в итоге у него получилось: Устьдолинояблоневск. В последствии это толкование значения топонима Майкоп вошло во все издания «Адыгейского топонимического словаря» (1981, 1990 и 2003 гг.).

Дж.Н. Коков в монографии «Адыгская (черкесская) топонимия» (1974 г.) вновь обратился к этимологии топонима Майкоп и в отличие от своей прежней версии предложил новый вариант. Он также, как и К.Х. Меретуков, отнес данный топоним к ряду образований типа «Афыпсып(э), Лэбап(э), Улап(э), Псышпап(э), и др.», но дал верный перевод: Мыекъуапэ - «устье Мыекъо (яблоневой речки)», где мие «яблоня (дикая), къо - «балка», «речка» [20].

Итак, мы выяснили, что название Мыекъуапэ (Майкоп) в переводе с адыгского языка означает «устье Миеко (яблоневой речки, балки)». Теперь встает другой вопрос: где находится эта балка или речка Миеко? М. Харламов в упомянутой выше статье писал: «Слово Майкоп служит обозначением небольшой речки, впадающей в реку Белую с правой стороны, немного южнее станции Тульской» [21]. Это

Карта Кубанской области (до 1890 г.) Фрагмент. Курган Вюшат - Ошад, знаменитый Майкопский курган, раскопанный в 1897 г. Название Леса Тхачох следует сопоставить с адыгским понятием тхъачэгъ (тхачег) «название леса, где молились богу». (ТСАЯ. 2006. С. 405). Прим. С.Х.

коп разделил его на две части: «Майкоп - это несколько видоизмененное русскими черкесское слово, правильное даже два слова - мей - «кислые лесные яблоки» и кюапэ - «свиной пятак», «долина», «балка». Отсюда Майкоп или по-черкесски Мейкюапэ, означает «яблочная долина», «яблочная балка» [12].

Действительно, слово къуапэ, можно перевести и как «угол» и как «свиной пятак», но к значению топонима Мыекъуапэ они не имеют никакого отношения. Для того, чтобы в этом слове вычленил значение «балка», надо было разделить его еще на две части: къо и пэ «устье», но М. Харламов об этом не знал. Далее, понятие «долина» (кэи) вообще отсутствует в этом слове, оно есть только в полном варианте названия - Мыекъоэпэ кэи, а в сокращенном Мыекъуапэ всего лишь подразумевается. Не разобравшись во всех этих тонкостях, в итоге М.Харламов предложил два варианта перевода значения слова Мыекъуапэ - «яблочная долина» или «яблочная балка».

Всем этим неточностям перевода М. Харламова можно было не уделять столько внимания,

а приводился в качестве примера. Так, грузинские ученые И.А. Джавахишвили (1939) и С.Н. Джанашиа (1940), изучая происхождение географических названий Абхазии и Западной Грузии, отметили в некоторых из них наличие древнего пласта черкесских (адыгских) элементов - словообразовательного компонента п / пэ, который они толковали на основе адыгских языков как «нос», «копец», «устье реки» (Бзы-п, Гу-п, Аха-па и др.). В поддержку своей гипотезы они приводили примеры из топонимики исторической адыгской территории и современной Адыгеи, когда название реки и компонента п / пэ вместе часто образуют названия населенных пунктов, расположенных у устья соответствующих рек: «аул Афыпсы-п (у устья реки Афыпс), Лэба-п (у устья реки Лаба - Усть-Лабинск), Уля-п (у устья реки Уль), Мыекъуа-пэ «Майкоп» (букв.: «устье яблонной долины») и др.» [15]. Таким образом, грузинские ученые впервые в научной литературе поставили топоним Мыекъуапэ (Майкоп) в один ряд с географическими названиями, образованными по типу «назва-

река Мияко, букв.: «Яблоневая река», откуда название г. Майкопа: Мыекъуапэ букв. «устье Яблоневой реки» (Цит. по тексту - Н.Е.) [16]. Так, впервые в адыгской научной литературе был зафиксирован правильный перевод значения топонима Мыекъуапэ (Майкоп) - «устье (реки) Миеко» или «устье Яблоневой реки», но это примечание, напечатанное мелким шрифтом в «Грамматике адыгейского литературного языка», долгие годы оставалось незамеченным не только для широкого круга читателей, но и для ученых-лингвистов.

Адыгская топонимика вообще, и топоним Мыекъуапэ (Майкоп), в частности, стали объектом специального исследования адыгских ученых в 60-е годы прошлого столетия. Два исследователя: сначала Дж.Н. Коков в Кабардино-Балкарии, а затем К.Х. Меретуков в Адыгее, приступили к изучению адыгских географических названий, в том числе и названия Мыекъуапэ (Майкоп). Так, Дж.Н. Коков в статье «К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черном и Азовском побережьях» (1960 г.) происхождение названия Майкоп

